

РАСПАЛЬЦОВОЧКА

Независимая газета - 2001 - 28 апр. - с. 7

ЧЕГО только ни делал Дмитрий Быков — и стихи писал (порой очень приличные), и критику (как правило, хорошую), и публицистику (это уже на чей вкус), и в телевизоре сидел (и по сей день сидит), и вот дошел, наконец, до романа. Как ни хоронят иные отечественный литературоцентризм, а вот задача на смекалку: отчего людей так тянет к роману? Да оттого, что роман — это что-то вроде «культурного паспорта», предъявил — и в дамки.

Роман Дмитрия Быкова «Оправдание» («Новый мир» № 3–4) разворачивается в двух временных плоскостях — сталинской эпохи и современности. Первая задана тоже в двух «измерениях»: часть (небольшая) — это события, происходившие «реально», часть — «реконструкции», которые производит в своей голове главный герой, историк (того, пожалуй, сорта, что любят «хорошенькие истории»), стремящийся разобраться в судьбе своего сгинувшего в лагерях деда.

Дела в романе обстоят таким образом: лабораторию, занимавшуюся выведением особо замечательных сортов пшеницы, в конце тридцатых почти поголовно усадили отвечать за вредительство, дед героя был среди них лучшим из лучших. Уже после войны в квартире его жены раздался звонок. Пятнадцатилетняя дочь решила, что говорила по телефону с отцом, назначившим матери свидание. На свидание он не пришел, и больше никаких известий о нем не было.

Внук, сын той самой дочери, на даче много общался с соседом, странным стариком, коллекционировавшим слухи о таинственных «возвращениях» репрессированных, которые то являлись к знакомым, обещаая зайти еще, но никогда не приходили, то, будучи случайно встреченными на улице, всячески старались избежать контакта... Этот одинокий старик, бывший геолог, рассказал герою о виденном когда-то странном поселении в тайге — пустые бараки окружали площадку с подобием сцены, а на специальном стенде висели изображения самых изощренных пыток.

Историк бросается в Сибирь искать заветное Чистое (так старик обозначил топоним) и попутно выстраивает в сознании версию происшедшего. Из тех, кто даже под самыми страшными пытками не признал себя виновным (с делом деда он ознакомился в архиве КГБ еще в начале перестройки), были сформированы специальные отряды «новых людей», которые жили в потайных поселках с самым жестким режимом выживания и использовались как диверсионные группы, так что войну, можно сказать, выиграли только благодаря их перекованной натуре. Когда Сталин умер и Большой проект потерял актуальность, их спустили по домам. Герой конструирует три варианта последующей судьбы: один из «стальных людей», поняв, что не сможет приспособиться к «мирной жизни», на следующий день уезжает обратно; другой (почему-то Быкову приглянувшись на эту роль расстрелянный автор «Конармии» и «Одесских рассказов»), предприняв Эренбурга, что ни в коем случае нельзя упираться и подарив Олеше идею «Ни дня без строчки», Исаак Бабель под чу-

жим именем уезжает в Одессу, женится и создает еще кучу неопубликованной прозы; третий, дед героя, умирает неузнанным на улице перед самой встречей с женой.

Добравшись-таки до искомого места, герой сперва обнаруживает деревню молчаливых стариков (плюс странная и тоже молчаливая девушка), которые устраивают что-то вроде камланий с подобием невербализованного пения. Потом он находит другое Чистое, где жители подчиняются непisanному и неведомому закону, неисполнение которого грозит казнями и увечьями. Герою отводятся три дня, чтобы «въехать» в закон. Он «въезжает» (возможно, ему, как гуманитария, несколько помогла лексика): закон в том, что закона нет, чтобы не быть битым, обобраным и изувеченным надо просто использовать парадигму бластного поведения — пальцы веером и за козла ответить. Потом выясняется, что на самом деле тут мучают друг друга исключительно по добровольному соглашению, да и живут постоянно — приезжают на «сезоны», вроде как в летний лагерь.

В общем, герой, который думал, что погиб и готовился к худшему, целым и невредимым вернулся в Москву, а автор сообщил, что на самом деле никаких спецотрядов не было, и нашел для всех «странных случаев» самые прозаические разъяснения.

После блистательного фиаско Татьяны Толстой с романом «Кысь», который написан-то хорошо, только совершенно мимо и абсолютно низачем (антиутопия, которую начали писать против одного режима, а потом спешно переключили под другой, имеет мало шансов на актуальность), быковское «Оправдание» получило хорошую фору. На руку ему

играют и два откровенно провальных «соседа» — «Монументальная пропаганда» Войновича и «Буква А» Маканина. Среди этой компании Быков сидит почти именьником.

Кстати, напрасно. Ничего особенно достойного в этом положении нет. Вот какая вырисовывается групповая фотография: в последнее время стало как-то крайне популярно ворошить больное прошлое. Анатолий Азольский написал «Клетку» (премия Букера), «Кровь», Шаров — «Старую девочку», ковыряет свою борозденку Владимир Сорокин. И все как-то так, с реконструкциями, да с игровым подмаргиванием, шуткой-смахом, что называется. Ладно, допустим, герой умирает сначала в трагедии, потом в комедии. Так что же профанируем? Сталина? А до кучи и всех остальных — кого угораздило родиться и помереть в неудачное время. В комедии приходит конец не одному герою, игрушечными становятся и все остальные участники.

Быков, видимо, выстраивает аллгорию: сперва он изо всех сил (в реконструкциях) демонизирует сталинскую власть, придавая громадь планов сакральную составляющую и интерполируя в свойственную ей логику, затем, отрицая эту демонизацию, низводит природу российского человека до самых низших степеней, акцентировав внимание на ее садомазохистском комплексе. Не вполне ясно, какую функцию в этой постройке должны нести камлающие молчуны. И почему именно Бабель избран для преодоления идеи сверхчеловека. Для того ли, чтобы автор смог ввести пассаж о еврействе? (Эренбург и Олеша выступают у него как два антипода в тактике — один прииспособляется другой, саморазру-

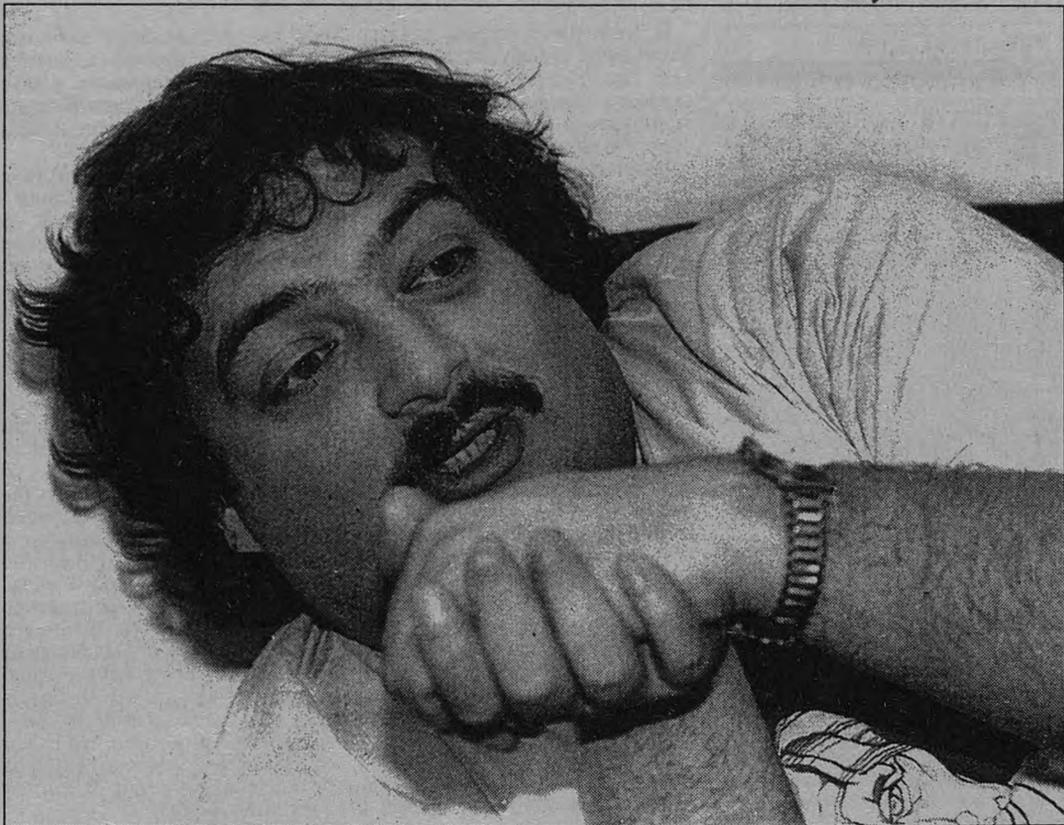
шается — и два соратника в стратегии — оба сохраняют себя в условиях довлеющего режима.)

Довольно жалким выглядит «вывод»: более чем прозрачная аналогия между принципами советской власти и нравами слета садомазохистов — закона нет, поэтому или гини, или выкручивайся как умеешь. Вообще не вполне ясно название. Оправдание чего имел в виду Дмитрий Быков? Потому что в романе решительно ничего не оправданно — ни туповато целеустремленный герой, ни палачи, ни жертвы, ни та, ни другая эпоха...

Единственно по-настоящему стоящее место — это изящная критика стихотворения Веры Инбер про «пальчики-мальчики», уместившаяся на одной странице. В конце концов даже «реконструкция» избрал не Быков, а Виктор Пелевин — только у него они проходили в Академии Родового Наследия Третьего Рейха. Эпоха, понятно, та же, и режимы в общем-то близки... Не доиграли что ли мальчики в войнушку, что их так тянет на реконструкции?

Проплутав по «историческим местам», герой Быкова возвращается в обыденность. Ту же же возвращается и автор, «доказав», что ничего сверхъестественного в сталинскую эпоху не происходило.

На камлании молчунов главная роль отводилась девушке — она вот-вот должна была запеть, и тогда ожидалось то ли явление истины, то ли небесной гармонии, то ли чего-то еще в этом роде. Но голос у нее, как всегда, сорвался. Ни истина, ни гармония миру явлены не были. Надо отдать должное автору: во всяком случае — даже аллегорически, — это честно. Хотя по-прежнему ничего не оправдывает.

Экспрессивный Дмитрий Быков.
Фото Александра Шалгина (НГ-фото)